

Неужели там ещё снег? На дворе май, листья на деревьях вот-вот проклюнутся... Такой теплющий пуховик — по мне, так на все минус пятьдесят. Зимние ботинки, шапка, любимая красная кофта, подаренная друзьями... Перчатки, колготки, носки, лыжные штаны... Капец как жарко во всём этом! Будто собралась на зимовку... Хе-хе, ну да. «Это Север, детка, — говорю я сама себе, — бери!»

Ещё вчера с Олесей службой доставки мы отправили коробки с моими картинками. Они должны прилететь грузовым самолётом через несколько дней. Мы летим сегодня «NordStar», уже скоро, в девять утра. Гора красноярских конфет... кедровые орехи и шишки... мой любимый таёжный иван-чай с ёлками... шесть кустов ремонтантной клубники, уже с ягодками... Что ещё можно подарить и чем порадовать северных новых и старых друзей? Всё упаковано. Новые, совершенно красивые красочки, этюдник, картонки, мастихин...

— Буся, прости, ты остаёшься дома. Вылезай-ка из чемодана! Я скоро к тебе вернусь. Лёшу не обижай, о'кей?

«Мрм-м-м... мяу... ага...» — сказала мне Буся и хитро прищурилась.

Всё утро, пока мы едем в аэропорт, я ною о том, что мне жарко и я не верю, что в Норильске ещё зима. Мне кажется, я слишком тепло одета.

— Да нормально, нормально... — смеётся надо мною Олеся. — Лететь-то всего два часа!

— И что, там прям снег?

— Ну да.

— Класс! — говорю я.

...И мы летим. Сверху видно, как земля начинает набирать цвет весны. Нежные тучки всё гуще, мы — всё выше... Теперь уже над всем этим и над облаками, взбитыми, как молочный коктейль с пенками... Лететь недолго. Мы о чём-то своём болтаем... И вдруг Олеся говорит мне:

— Ну вот, смотри, тундра и снег.

— Где? — говорю я. — Это же облака!

— Да нет, снег, смотри внимательно...

И вправду — кругом зима. Север, мой любимчик, здравствуй, давно не виделись! А вот и ты... Здравствуй, мой дорогой!

Нас встречали. Кто-то позвонил Олеся, и, поговорив, она сообщила, что мы ещё заберём стюардессу с нашего самолёта с собой в Дудинку. Оказалось, что год назад этой стюардессе довелось в течение этих двух часов полёта принимать роды у пассажирки, летевшей домой на Север. Она сама-то девочка, двадцать пять лет, и детей ещё нет... «Вот же ей было страшно!» — представили сразу мы. Но справилась... Потом мы расспрашивали её: «Ну как?» Она говорит: «В такой экстремальной ситуации пришлось вспомнить все инструкции и лекции, которые когда-то писали в тетрадках!» Родился мальчик, назвали в честь командира самолёта. «Счастливичик!» — сказали мы. Теперь он будет всю жизнь летать бесплатно на самолётах — таковы правила, если ты умудрился родиться в полёте... И вот ему исполнялся год именно сегодня. Она была приглашена и ехала с каким-то крутым конструктором, чтобы его поздравить. Дороги переметало снегом, но всё это были ещё цветочки по сравнению с тем, что ждало меня потом, далеко впереди, по пути в этот же аэропорт...

Вот и приехали мы в Дудинку. Снова встреча, раздача подарков, горячий чай с плюшками... Жила я неподалёку, буквально в соседнем дворе, в школе искусств, а выставка моя должна была проходить здесь, в Доме народного творчества. Всё очень удобно и близко друг от друга. Позже оказалось, что близко там вообще всё... Вполне приличный гостиничный номерок был в школе: ванная, диван, плита, холодильник — в принципе, всё что нужно, и даже пианино, что особо меня радовало. По утрам меня будили дети, которые фальшиво играли на скрипачках, разучивая свои нотки.

Это тоже было особой прелестью, чем-то очень даже забавным и вполне веселило меня. По ночам было совсем

странно спать. Да и вообще почти не спалось все дни... Полярный день, и солнце в небе светило круглосуточно. Мне это особенно нравилось, так как можно было красить этюды и не зависеть от темноты, которой сейчас на Севере вовсе не было... Картинки ещё не прилетели, и я бродила по замороженной Дудинке с этюдником в поисках всяческой красоты. Любимчик Север! Это были мои места. Ржавые железяки, снега, корабли...

Огромные грузовые краны, как великаны, как северные жирафы, стояли в своих вольерах-сугробах: кто с приподнятой, кто с опущенной головой... Хотелось обнять их, согреть, прижать к себе... И я прижимала — они были холодные. Там же, на берегу, как цветные богатыри, стояли вмёрзшие в снег корабли. Оранжевые, красные, синие... Чувствовалось какое-то их живое дыхание... и ожидание, что скоро придёт ледокол, ломает лёд, и они отправятся в навигацию в свой долгожданный путь. Их люди будто бы тоже давно застоялись и сейчас что-то весело чинили в своих путешественниках: заправляли их водой, готовили еду (пахло кашей), о чём-то разговаривали и мечтали. Было слышно и видно, как все они радовались, пыхтели и ждали прихода новой весны. Я их писала: и краны, и снег, и кораблики...

Одежда мне пригодилась вся. Минус восемнадцать — как минус тридцать, особенно если с ветром. Краски как будто пластмассовые, замёрзшие... На этот случай я взяла с собой мастихин, им одним и лепила. Получалось как-то даже жирненько и мясисто, что очень даже радовало меня. Огромные сосули намёрзли, обнимая трубы и дома, свисая ледяными чудовищами... Днём на солнце они подтаивали и изменяли свою форму в новую невероятную чудящу, меняя гримасу... На кинотеатре «Арктика» на стене — строки из песни:

Если надо — значит, надо,
Значит, будут и здесь сады.
Пусть метели бушуют рядом,
Надо будет — растопим льды.
А нам не страшен ни вал девятый,
Ни холод вечной мерзлоты,
Ведь мы ребята, ведь мы ребята
Семидесятой широты...

Я прочувствовала каждую букву за эти несколько дней, которые провела в гостях у своего любимого друга — Севера... В этом холоде с ветрами, солнцем и снегом мы вместе писали

мои этюды. Был день, когда мы с ребяташками рисовали в школе искусств: я показывала, как сама рисую пастелью, они повторяли. Но однажды со мной случился и вовсе незабываемый, очень волшебный день. Утро подарило мне несказанное счастье: перед тем как идти на этюды, я заглянула в Дом народного творчества, а ребята вдруг предложили мне пойти на рыбалку. Так это ж мечта! Да и корюшка идёт косяками... Я, конечно, старый рыбак, но никогда ещё в жизни не случилось мне ходить на рыбалку зимой. Честно сказать, глаза мои засветились какой-то особой радостью, и что-то очень веселое запрыгало внутри. Ребята начали разглядывать, во что я одета. Оказалось, что всех моих как будто бы тёплых вещей недостаточно для этого действия. Мне притащили чьи-то мужнины рыбацкие штаны, чуть рваные на коленках и такие бывалые. «Явно счастливые штанцы!» — подумалось мне.

Сейчас было всё важно: и в чём пойти, и удочки, крючки, леска... Штаны мне надели прямо на мои лыжные, сверху. Вместо ботинок — унты, они действительно оказались теплее. Запасную тёплую куртку дали с собой на всякий случай. Тёмные очки, необходимая вещь на Севере — солнце светит так ярко, что слепит глаза, отражаясь от белого снега, и ветер такой, что ты плачешь, и волей-неволею становится трудно смотреть, — они были тоже со мною.

Дима сияет и светится — его отпустили с работы на эту рыбалку. Счастливый повод для рыбака — заезжий гость-художник-рыбак. Его лицо коричневого цвета, загар ложится кругло, как тарелка, — ровно настолько, насколько можно достать из одежды лицо зимой. Половинка лба остаётся белой — та, что прикрыта шапкой. Выглядит это очень забавно, радуется и выдаёт всех рыбаков в этой округе.

— На льду очень опасно. Загубит он вам художника! Уже полыньи кругом... — говорит Коля с явно таким же загаром. И тоже просится с нами: — Корюшка идёт — редкие дни!

— Ну ладно, иди и ты, — сказали ему, и он заскакал от радости. По той же причине.

Слава тоже был с нами...

И вот, весёлые и счастливые, отправились мы на рыбалку. День был яркий и солнечный. Мороз щипал щёки, и ресницы покрывались белым инеем от дыхания. Чай, колбасу из оленя, хлеб, конфетки мы взяли с собой. Мальчишки

завели моторы на снегоходах. Тут мне удалось убедить их, что я вожу мотоцикл, и, видимо, так как я гость, мне было дозволено порулить. Ёхо! Ещё одна нечаянная радость захватила меня — везьга. Дима сел мне за спину, Слава — в сани. На другом снегоходе — Коля. Мечта!

Уже через пять минут я летела, управляя такой как будто тяжёлой надёжной машиной. Чуть позже остановились, и все бросили что-нибудь вкусненькое на снег: у всех были конфетки. Так полагалось задобрить духа реки на рыбалку.

Минут сорок неслись мы по замёрзшему Енисею на место, где уже множество рыбаков сияли особым счастьем... Машина шла так уверенно и мягко, что после мотоцикла как-то особо ощущалась её надёжность. На спидометре что-то около семидесяти, но больше и гнать нельзя, а то из саней вылетит Слава... Мы подпрыгивали на чуть приподнявшемся льду, выруливая из начинающихся полыней. Я справилась! Дима похлопал меня по плечу, как старого суперводилу.

Мальчишки накрутили лунки. Их было чуть больше десяти штук, все одной вереницей в ряд, на полтора метра друг от друга. Сачком мы выковыряли остатки снега из лунок. Наживкой была сама рыбка, которую, похоже, Коля поймал на днях. Корюшка — рыба хищная и клюёт сама на себя. Мы расставили короткие зимние удочки со звонкими колокольчиками... и началось! Дзинь-дзинь, дзинь-дзинь... Никогда я ещё не видела такой вот рыбалки!

Рыбки шли одна за одной. Мы не успевали их вытягивать и сбрасывать в кучки на снег. Друг за дружкой корюшка цеплялась на наши удочки, и по всей реке у соседних рыбаков тоже раздавался звон колокольчиков.

— Да, вот это рыбалка! — говорю я ребятам.

Потом всё стихло. Это была недолгая пауза — отдышаться и порадоваться улову. Дальше опять: дзинь-дзинь-дзинь... И все подскочили. Рыба ловилась и по две, и по три штуки за раз. Бывало, и вовсе на все крючки, что были на леске...

И вот случай. Сидим мы с Колей рядом у лунок и еле успеваем вытягивать рыбок. Вдруг неожиданно для меня наживка кончилась, и больше нечего было насадить на крючок, да и резать новую рыбку некогда...

— Косяк-то идёт, — я говорю, — Коля, а наживки-то больше нет. Что же делать?

Он, не в силах оторваться в рыбацком азарте, кричит мне:

— Лена, откусывай кадык!

— Что? — спрашиваю я.

— Кадык!

— В смысле — кадык? А где тут у рыбы кадык? Он, что ли, у неё бывает?..

— Откусывай, говорю!

И, взяв рыбку со снега, одним рывком откусывает тот кусочек, что между жабрами. Красная струйка крови брызгает полукругом прямо на снег. Коля наживляет его на крючок и снова без усталости начинает вытаскивать рыбок из лунки.

— Капец, — говорю я, — я же так не могу!

Сажусь грустная, опустив свои нос и руки...

Немного посидела и, понимая, что ребятам не до меня (все мы тут, как говорится, рыбаки), я тихонько откусила у рыбы маленький треугольничек между жабрами — получилось как-то аккуратно, без крови, — и наживила его на крючок. И снова рыбка! Рыбалка пошла своим ходом. Когда косяк рыб прошёл, все снова поостыли. Ребята похлопали меня по плечу со словами:

— Ну вот, Лена, ты и научилась откусывать рыбий кадык. С почином тебя!

Теперь уже мы расстелили оленью шкурку на льду, достали термоса и закуски... Снова зазвонили бубенчики. Мы бросились к удочкам...

Уже потом, когда очередной косяк рыб прошёл, я раскрутила этюдник и написала место нашей рыбалки, вместе со снегоходами и обедом. Часов в шесть вечера, когда рабочий день у ребят начал заканчиваться, они пошутили, что сегодня перерабатывают трудовые часы, — мы смеялись. Улов был как никогда!

Ещё через пару часов начали собираться домой. Солнце светило почти весь день и немного присело к вечеру, но далеко не ушло из-за полярного в это время года дня. Мне сразу отделили большой пакет моего улова, как гостю, положили и лишних рыбок. Когда возвращались домой, было видно, что кто-то сегодня влетал в полынью, и выбрался, и в помощи не нуждался. Полыньи по реке разлились уже больше и шире. Теперь уже Дима и Коля управляли машинами.

На следующий день всё вокруг в Доме творчества пахло огурчиком — так пахнет свежая корюшка. Часть её мне

заморозили, часть завялили, чтобы можно было забрать её с собой — папе, друзьям и кошке.

— Кошку кормить корюшкой — это слишком! — говорили они.

— Так у меня такая кошка, что её можно! — отвечала я им.

Рыбок Буське хватило потом на всё лето... Какою же всё же знатною была эта рыбалка!

В этот день мы с ребятами развешивали мою прилетевшую самолётом выставку.

— С каким-то особым желанием и любовью развешивают тебе мальчишки картинки! — заметили все.— Вообще-то это их работа, но они уж как-то очень стараются.

— Конечно! — говорю я.— Я же теперь откусываю рыбий кадык. Мы ж побратимы!

И все смеялись... Мы и правда теперь были видными рыбаками, так как моё лицо сияло красной тарелкой ровно настолько, насколько торчало из всех одежд вчера на солнце и на морозе.

— Такой вот он, рыбацкий северный загар! — отвечали мне все и смеялись.

На другой день, когда мы открыли выставку, вечером в Дудинку пришёл ледокол и обломал весь лёд от берега, чтобы уже было нельзя попасть на него и чтобы скорее пришла весна. Ещё немного — и льдины пойдут с треском и шумом... Но этого мне увидеть уже не случилось — пора было улетать. На открытии выставки меня посвятили и присвоили почётное звание настоящего таймырца, и, похоже, теперь Таймыр не хотел отпускать меня... Ветер дул с такой силой, что срывал обшивку с крыш домов. Ничего не было видно.

Выйдя из Дома творчества, мы с трудом отыскивали свою машину и сели внутрь.

— Как вы думаете, полетим? — спросила я водителя, который должен был доставить меня в аэропорт.

— У меня рука лёгкая! — радостно отвечал он мне.

И поехали... Метель дула такая, что за метр ничего не было видно: ни дорогу, ни встречные машины — ничего.

— Север — это Север, детка! — говорила я вслух.— Ха-ха, как прикольно!

Очень медленно двигались мы в сторону аэропорта, по чистой случайности не врезаясь друг в друга, разъезжались

со встречными машинами... Иногда метель наметала сугробы посередине дороги, и их тоже приходилось тихонечко объезжать. Ветер почти сносил машину на обочину — такую была метель! Подъехав, как казалось нам, в аэропорт, хотя его абсолютно не было видно, мы с водителем пошли куда-то в белую вьюгу. Наткнувшись на двери, поняли, что шли в правильном направлении. «Ай да Север, красавчик!» — подумалось мне.

Дальше оставалось дожидаться самолёта. Он летел из Новосибирска. И вот если сядет, то тогда и мы улетим. А ветер такой, что взлететь по нему ещё можно, а вот сесть, скорее всего, не получится. Трижды лётчики пытались посадить машину, и всё же не получилось... Наш самолёт улетел со всеми своими пассажирами в Красноярск, на запасной аэродром. Это была суббота, и самолёт был только один — этот. В воскресенье аэропорт не работает... «О, это Север, детка!» — говорю я сама себе, и даже совсем не грустно — ещё одно маленькое приключение.

Дорогу между Дудинкой и Норильском закрыли из-за нулевой видимости, нас же всех тихим ходом на автобусах отвезли в гостиницу в Норильск. Мы были вполне весёлые. Все взяли с собой рыбу, чтобы спасти её в холодильниках, а вещи сдали в камеру хранения. И, таким образом, пасты зубной не оказалось ни у кого. Ребята купили одну на всех и передавали её из комнаты в комнату. Так мы сплотились и сдружились всем своим самолётом.

Днём я ушла в гости к своим друзьям-музыкантам, живущим тут, в Норильске. Попив чайку, мы отправились поглядеть кино. Было очень смешно, когда оказалось, что в кинотеатр пришёл весь наш самолёт, и мы сделали им выручку в этот день. Фильм посмотрели отличный, про двух живших в девятнадцатом веке клоунов, — «Шоколад». Погода за день прояснилась, и в понедельник уже почти без особых приключений мы улетели на материк, я — домой... К тому времени в Красноярске совсем наступила весна, и когда самолёт садился, было видно, как лёгкая нежная зелень заполняет землю. Весна, ну, здравствуй, моя весна! Север, любимчик, ещё увидимся...

Дома в мастерской меня ждала Буся, встречая меня на пороге и урча. Она тёрлась о коробку, пахнущую огурчиком...

Рыбий кадык — первое, что на этот раз попробовала она.